

ТЕРТУЛЛИАН И ЕГО «АПОЛОГИЯ»

Мы встречаемся с выдающимся христианским писателем-апологетом Тертуллианом человеком уже взрослым. О детских и отроческих годах Тертуллиана известно сравнительно мало. Родился он около 160 года в Карфагене в семье центуриона (сотника) проконсульских войск, в языческой среде («Мы вышли из вашей среды»,— обращается он к язычникам). В юности получил обычное для состоятельных людей того времени образование: окончил риторскую школу в Карфагене и специальное юридическое училище. Затем уехал в Рим, где выступал в суде и адвокатом, и обвинителем, снискав себе довольно широкую известность. Есть основания полагать, что юрист того же имени, упоминаемый в «Пандектах» (главная составная часть «Corpus juris civilis», памятника римского права времен императора Юстиниана, VI в.), гождествен Тертуллиану. Сведения о жизни Тертуллиана мы находим в его собственных сочинениях и упоминаниях о нем древних писателей— Евсевия Памфила, епископа Кесарийского (IV в.), и блаженного Иеронима († ок. 420)*.

В римский период жизни Тертуллиан, по собственному его признанию, предавался всем языческим удовольствиям разгульной столичной жизни, был любителем острых ощущений, театральных и цирковых зрелищ (гладиаторские бои), а христианство считал безумием. «Но чувственность не могла насытить и усыпить душу, а дивное зрелище необычайной твердости мучеников обратило гонителя в друга неправедно гонимых: [около 190—195 года] Тертуллиан принял Святое Крещение. В следующем году женился на христианке» (Н. В. Савельев-Ростиславич. Тертуллиан и его век. СПб., 1848, с. 5). Вернувшись в родной Карфаген, Тертуллиан ушел с государственной службы; он посвятил свой досуг изучению философии и богословия. В 195 году он принял сан пресвитера**.

Еще в школе Тертуллиан изучил греческий язык, которым владел свободно; он хорошо знал труды некоторых античных философов, юристов, медиков, в совершенстве владел ораторским искусством (не случайно его сравнивали с Демосфеном). Свои знания и дарования, полученные от Господа, Тертуллиан посвятил служению христианству. Будучи уже в сане пресвитера, он занялся активной писательской деятельностью. Язык его сочинений изобилует юридическими терминами; знание юриспруденции он умело использует, изобличая судей-язычников в нарушении элементарной законности. Защищая христианство, Тертуллиан порой употребляет аргументы, которые приводили греческие апологеты, такие, как его старшие современники— Татиан или епископ Антиохийский Феофил. Но то, что у них было довольно хаотично и сбивчиво, под пером Тертуллиана сложилось в стройную систему, логичную и вдохновенно-убедительную. Вряд ли императору Северу (193—211) были известны сочинения греческих апологетов. Но мы почти не сомневаемся, что сочинения Тертуллиана были ему известны. Революционный защитник христианства, он становился защитником подлинных достижений римского общества, отстаивал принципы справедливости, равенства граждан перед законом, свободы совести, уважения к взглядам другого. Он любил поучать и наставлять, но еще больше, пожалуй, любил спорить и обличать. Проконсул и его совет, языческое общество, ревнители ветхозаветной законности, еретики, недостойные клирики— на всех

* *Евсевий Памфил*. Церковная история (Historia Ecclesiastica), кн. II, гл. 2; Блаженный *Иероним Стридонский*. О знаменитых мужах (De viris illustribus), гл. 53.

** Некоторые исследователи подвергают это сомнению. См.: *J. Klein*. Tertullian. Christliches Bewusstsein und sittliche Forderung. Düsseldorf, 1940, S. 268—273.

обрушил он и силу своих обличений, и всю горечь насмешек. Его слог, взволнованный, неровный, обжигающий, хорошо отразил парадоксальность его сложной мысли и его неустойчивой натуры. Он вычленил краткие формулы незабываемой красоты и силы, и он же растекался в повторении довольно монотонных, едва ли не бесцветных фраз; мог писать просто и убедительно, но оставил некоторые тексты, которые надо разгадывать, как загадки, а порой унылся до судебных оборотов и крючкотворства. Человек большого и ясного ума, он иногда забывал обращаться к нему за советом; прекрасно описал жизнь христианской общины, мирную и упорядоченную, но жил, не зная покоя сам, чуждый всякого житейского благоразумия. Неприятие Тертуллианом современной ему римской (языческой) цивилизации было более глубоко, чем у грекоязычных апологетов — Татиана (род. ок. 120 г.) или епископа Антиохийского Феофила (конец II в.): «Он не только осуждает ее философские школы... но и близок к тому взгляду, что цивилизация вообще испортила и извратила человека, подавила его естественные положительныя наклонности, надстроив над ними целый мир искусственных и неистинных ценностей... Выход из этого положения Тертуллиан видит в книжеском опрощении и возвращении к естественному состоянию. Однако, по его мнению, достичь этого состояния простоты и естественности можно только через христианскую веру, самопознание и аскетизм» (Г. Г. Майоров. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979, с. 111—112).

Подлинная вера, а не суеверие, считал Тертуллиан, всегда есть подвиг, прорыв в сферу духа; сила веры может быть прямо пропорциональна кажущейся нелепости (абсурдности) ее положений с точки зрения обыденного житейского рассудка. «Верую, ибо нелепо» («credo, quia absurdum») — это изречение приписывают Тертуллиану не без оснований: в его сочинениях можно найти соответствующие парадоксы. Но кажущаяся столь резким противопоставление веры и разума снимается, если рассматривать их в контексте Откровения, которое придает «неразумной» вере сверхразумный смысл. Ибо Божественное Откровение несоизмеримо с человеческими, довольно ограниченными представлениями; и чем более истинны Откровения кажутся непостижимыми и невозможными, тем более оснований для веры в их трансценденность и истинность. Отвергая заземленный в обыденности рассудок, Тертуллиан отвергал и элитарный интеллектуализм, чуждый вере: «Что общего у Афин и Иерусалима? У Академии и Церкви?» («De praescriptione haereticorum», гл. 7).

Это высказывание часто цитируют, упрекая мыслителя в обскурантизме, даже христианские теологи. При этом как-то забывается, что изречение Тертуллиана — реминисценция гораздо более глубокой, основополагающей мысли святого апостола Павла: «А мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для еллинов безумие, для самих же призванных, иудеев и еллинов, Христа, Божию Силу и Божию Премудрость» (1 Кор. 1, 23—24).

Разум человеческий и естественный, природный здравый смысл Тертуллиан ценил весьма высоко (см.: De testimonio animae, гл. 3). По его глубокому убеждению, неспорченная цивилизацией душа человека по природе своей христианка: «Пусть человек начнет прислушиваться к голосу своей души, и тогда Истинный Бог не будет ему неизвестен» («De testimonio animae», гл. 2). Именно поэтому Господь Иисус Христос избрал апостолов не из философов и книжников, а из простых рыбаков. Всякий отход от чистой веры в сторону ее рационализации и философизации чреват извращением христианского учения и ересью. Поэтому Тертуллиан столько сил и энергии отдал критике иудаизма и гностицизма. Он не случайно называл тогдашние синагоги «источниками преследований» христиан: Евсевий Памфил, епископ Кесарийский (IV в.), описывает в «Церковной истории», с какой радостной торопливостью собирали иудеи хворост для костра, к которому был приговорен священный мученик Поликарп, епископ Смирнский, † 167 (см. «Богословские труды», сб. 24, с. 127—128). Отсюда пафос знаменитого произведения Тертуллиана «Против иудеев» («Adversus Judaeos»).

С эволюцией иудаизма в I—II вв. тесно связано и распространение гностицизма. Гностицизм предстает в этот период как попытка найти некий мировоззренческий синтез различных религиозно-философских течений и эзотерических традиций, что объективно создавало почву для появления самых разнообразных ересей*.

* Не следует смешивать гностицизм с гнозисом (γνῶσις — познание, знание) Климента, епископа Александрийского († ок. 215), Оригена, пресвитера Александрийского († 254), и других выдающихся раннехристианских мыслителей, которых весьма высоко ценили святые отцы и которые считаются учителями Церкви.

Тертуллиан писал не только против гностиков вообще, но и против отдельных гностических школ (против валентиниан, против Гермоена, против Маркиона) с присущей ему страстностью и горячностью. Отвлеченная метафизика и чистое «философское» умозрение были ему чужды: он или высмеивает гностиков, или просто запрещает им пользоваться Священным Писанием и толковать его: незачем искать и исследовать, когда все уже найдено и объяснено: «Зачем Афины, когда есть Иерусалим?»

Именно эти слова оказались роковыми: фанатики последующих столетий использовали их в своем походе против античной культуры вообще. Философия, которую Климент, епископ Александрийский, человек светлого, широкого ума, считал даром, посланным от Бога эллинам, дабы «уготовать путь Господу», была объявлена пережитком язычества. Оригену, пресвитеру Александрийскому, пришлось впоследствии оправдываться в том, что он занимается «мирскими науками», и защищать программу обучения Александрийского Огласительного училища (первого христианского университета), в которую эти науки были введены. Говоря о максимализме Тертуллиана, следует сказать и об увлеченности его монтианизмом. В 200—207 гг. Тертуллиан примкнул к апокалиптической общине, основателем которой был некий Монтан из Фригии (по свидетельству Евсевия Памфила, Монтан начал пророчествовать в 172 году, возвещая скорое шествие Небесного Иерусалима).

В монтианизме проявились суровые аскетические черты: предписывалась более строгая, чем принятая тогда Церковью, духовная дисциплина, в частности, усиленный пост (сухоядение), запрещалось бегство от гоений, второбрачие в случае смерти одного из супругов и т. п. Профессор И. В. Понов полагает, что ригоризм Тертуллиана не мог удовлетвориться той степенью нравственной строгости, которая характеризовала в то время нравы церковного большинства, — и в этом причина его увлечения монтианизмом (Конспект лекций по патрологии. Сергиев Посад, 1916, с. 69).

Добавим, что Тертуллиана привлекла в общине монтианов попытка возрождения духа апостольского христианства перед угрозой обмирщения Церкви. Духовный энтузиазм и пророчествование монтианов были внутренне близки Тертуллиану, который склонен был считать их «пневматиками» («духовными»), в противоположность обычным христианам — «психикам» («душевному»). Важно не забывать, что монтиансты признавали все христианские Таинства и праздники, между ними и представителями других христианских общин не было догматических расхождений.

В истинах веры, которые Тертуллиан защищал в сочинениях против еретиков: Маркиона, Валентина, Гермоена, Праксея и других, монтиансты были согласны с Церковью. Поэтому Тертуллиан-монтианст, справедливо подчеркивает протоиерей А. М. Ивацков-Платонов, писал свои сочинения против еретиков, оставаясь вполне ортодоксальным. «Даже можно сказать — более: монтиансты к ереям гностическим и патристическим относились с большею горячностью и страстью, чем православные... Если их можно упрекнуть, то скорее в излишней горячности и резкости против еретиков, чем в недостатке ревности к защите христианской истины» (Ереси и расколы первых трех веков христианства. М., 1887, с. 242).

Судя по всему, Тертуллиан полюбил ложность аскетических крайностей монтианстской общины. Впоследствии он отошел от монтианов и основал в Карфагене свою собственную общину, по свидетельству блаженного Августина («De haeresibus», cap. LXXXVI). Община эта имела свой храм — базилику: остатки ее были присоединены к Церкви блаженным Августином в начале V века.

Умер Тертуллиан в преклонном возрасте около 222—223 года.

Древние учителя Церкви с большой похвалой отзывались об учености и дарованиях Тертуллиана, были хорошо знакомы с его творениями. Священномученик Киприан, епископ Карфагенский († 257, память 31 августа), читал труды Тертуллиана каждый день и считал его своим учителем (Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Историческое учение об отцах Церкви. Т. I. СПб., 1859, с. 184). Евсевий Памфил, епископ Кесарийский, упоминал о нем как об «одном из наиболее прославленных» («Церковная история», кн. II, гл. 2), а блаженный Иероним Стридонский († ок. 420) говорил, что «по учености и точности ума Тертуллиан превосходит других» («О знаменитых мужах», гл. 53).

Но мнению проф. Л. П. Карсавина, Тертуллиан является «одним из самых ярких, непримиримых и риторически-пламенных противников гнозиса... одним из характернейших представителей и даже основоположников западного христианства...» (Святые отцы и учителя Церкви. Раскрытие Православия в их творениях. Париж, 1926, с. 61). «Тертуллиан — мыслитель не только христианский в широком смысле.

но и церковный», — подчеркивает Г. Г. Майоров (цит. соч., с. 116). Протоиерей Георгий Флоровский считает, что древнецерковный обычай противопоставлять Церковь и ересь, прежде всего, как любовь и раздор, общение и одиочество, приемлемый А. С. Хомяковым, восходит к епископу Лионскому Иршею и Тертуллиану (Пути русского богословия. Париж, 1937, с. 278).

Влияние Тертуллиана на византийское (грекоязычное) богословие было, однако, сравнительно невелико. Это объясняется, прежде всего, тем обстоятельством, что писал он по-латыни. Кроме того, ретушиция «монтаииста» создавала по отношению к нему известное предревбеждение. И у него, естественно, не следует искать догматической определенности: Тертуллиан жил до эпохи Вселенских Соборов, когда самый язык богословия еще только создавался.

Как писатель Тертуллиан стоит у истоков церковной латыни. Будучи писателем-билингвистом, одинаково свободно владеющим двумя языками — греческим и латинским, он сумел найти или создать эквивалентные новообразования в латинском языке для передачи сложных богословских терминов с греческого.

По подсчетам немецкого исследователя Г. Гендлера, Тертуллиан образовал в латыни 982 новых термина («Von Tertullian bis zu Ambrosius». Berlin, 1978, S. 22). Следует особо отметить, что к Тертуллиану восходит происхождение центрального христианского термина Троица (от лат. *tri+unitas*). «Многие его идеи, — отмечает В. В. Бычков, — служили образцом, «правилом» (*regula fidei*) для его латинских последователей вплоть до [блаженного] Августина» (Эстетика поздней античности. М., 1981, с. 48). Достоин внимания и то, что Тертуллиан с благоговением пишет о Матери Божией — Деве («*Apologeticum*», гл. 21) задолго до святых отцов-каппадокийцев.

Значительный интерес для современной богословской мысли представляет антропология Тертуллиана. В своих трудах он искал ответа на многие кардинальные вопросы бытия: о природе и происхождении души, о назначении человека, о его будущей (посмертной) жизни и т. п. Можно сказать, что пылкий философ Тертуллиан выступил как «специальный вопрошатель» античности. В отличие от позднейших и более близких к нашему времени «вопрошателей», таких, например, как Лев Шестов, Тертуллиан обладал глубочайшей верой и внутренней убежденностью в своей правоте; вопрошая, он отвечал.

Душа, по Тертуллиану, — «дыхание Божие» («*Dei flatus*») (срав.: Быт. 2, 7). В этом вопросе он следует за Платоном, для которого душа «божественна, разумна, одноположна и неделима» («Федон», 80 а). Однако ему чужд безусловный спиритуализм Платона. Исходя из свидетельства Священного Писания об относительной телесности и возможной (в особых условиях) видимости души (Откр. 6, 9; Лк. 16, 23), он учит, что душа есть «*corpus sui generis*» («тело своего рода»), имеет свой облик (*habitus, effigies*), границу (*terminus*), три измерения («О душе», гл. 8). Теорию Платона о предсуществовании душ Тертуллиан считает «баснословной» и решительно отвергает (там же, гл. 26 и 27), равно как и мнение о том, что душа творится только в самый момент рождения. Приводя ссылки на Священное Писание (Быт. 25, 22—23; Лк. 1, 41—44; 76—80 и др.), Тертуллиан утверждает, что развитие души связано с ростом тела. Тело для Тертуллиана имеет великую ценность, оно есть «*cardo salutis*» («якорь спасения») для души; «тело омывается [в купели крещения] для того, чтобы душа очистилась от пятен; тело помазывается, чтобы душа освятилась; тело знаменуется, чтобы душа укрепилась; тело осеняется возложением рук, чтобы душа освятилась Духом...» («О воскресении плоти», гл. 8). Тертуллиан учит не об уничтожении тела, а о его изменении (*demutatio*) в жизни будущего века, когда тело воскреснет в преображенной плоти.

При жизни Тертуллиан был славен и среди христиан, и среди язычников. Смерть не уничтожила этой славы: из произведений латинских писателей только его «Апология» удостоилась вскоре перевода на греческий язык. Время стерло его промахи и заблуждения; в благодарной памяти потомства он остался мужественным борцом за христианство, бесстрашным словом и пером отстаивавшим вечную правду.

* * *

«Апология Тертуллиана (другие русские названия этой же работы: «Апологетика», «Апологетика»), пожалуй, наиболее известное из его произведений. «Вопросом о времени происхождения «Апологетика» занималось столько ученых, сколько не занималось никаким другим вопросом, относящимся до этого сочинения, и мнения их по этому вопросу различны» (Н. Щеглов, Апологетик Тертуллиана. — Труды Киевской Духовной Академии, 1887, № 9, с. 3). Некоторые исследователи

считают, что «Апология» написана Тертуллианом незадолго до его кончины, большинство же склоняется к мнению, что это сочинение относится к 197—199 гг. Н. Щеглов аргументированно доказывает, что «Апология» написана в 199—200 гг., считая ключом к решению этого вопроса следующие слова из 35 главы этого сочинения: «Откуда же Кассий, Нигры и Альбины?» Откуда те, кто подстерегал императора «между двумя лаврами»? Откуда те, кто упражнялся на палестре, чтобы удушить его? Откуда те, кто с оружием в руках врывался во дворец? Они дерзновеннее всех Сигериев и Парфениев... ** И сейчас каждый день избочивают членов и сторонников преступных партий: деревья срубили, а побеги уцелели» (цит. новый перевод).

Европейские ученые Бароний и Мосгейм призывали упомянутых злоумышленников, о которых идет далее речь у Тертуллиана, последователями Альбина, а Тиллемон, Лумпер и Бёрингер — последователями Нигра. Нигр был убит в 194 году в сражении при Иссе, а его приверженцы продолжали сопротивление до 196 года, пока не потерпели поражение в Сирии от императора Септимия Севера. Преследование их остатка падает на 199—200 годы, когда и была, по всей вероятности, написана «Апология». Имеются основания считать, что около 204 года Тертуллиан предпринял путешествие из Карфагена в Рим, где представил Сенату свою «Апологию» — красноречивое слово в защиту христиан.

Это полемическое сочинение Тертуллиана принесло автору заслуженную славу и приобрело широкую известность в средневековом мире. Достаточно сказать, что «Апология» была в числе печатных изданий в «колыбельный» период книгопечатания: она была издана на языке оригинала в Венеции в 1483 и 1494 гг., в Париже в 1500 и 1502 гг. В XVII—XVIII вв. появились издания «Апологии» в переводе на различные европейские языки: французский (1636), английский (1655), испанский (1657), немецкий (1682), итальянский (1756) и другие.

Первый известный нам перевод на русский язык принадлежит епископу Коломенскому и Тульскому Афанасию (Иванову) (М., изд. Синодальной типографии, 1802).

К. М. Мазурин, один из последующих переводчиков «Апологии», писал об этом переводе: «Очень точный перевод «Апологетика», хотя, безусловно, устарелый по языку» (Тертуллиан и его творения. М., 1893, с. XXVI).

В 1847 году в С.-Петербурге был издан перевод «Апологетики», осуществленный Е. Карнеевым. Этот перевод, по всей вероятности, сделан с учетом французского перевода-посредника; местами он неточен, местами представляет собой переложение; отсутствующие в латинском оригинале обороты и вставки, добавленные во французский перевод Genoude, имеются и в переводе Е. Карнеева. Перевод этот обладает определенными литературными достоинствами; Н. Савельев-Ростиславич в своей рецензии называет его «прекрасным» (цит. соч., с. 36), протоиерей А. М. Иванов-Платонов — «довольно выразительным» (Ереси и расколы первых трех веков христианства. М., 1877, с. 235).

«Ежели вам, первостоятели Римской Империи, на открытом и возвышенном месте, и на самом почти верху града*** для суждения заседающим, не можно ясно рассмотреть и пред всеми исследовать, в чем точно состоит дело Христиан,— начинает перевод «Апологии» епископ Афанасий, и продолжает: то позвольте истине хотя тайным путем безгласного писания до ушей ваших дойти. Она ни мало не просит о своем деле; поелику не дивится своему состоянию, зная, что она есть странница на земле, и что удобно находит себе врагов между чуждыми. А впрочем она род, жилище, упование, благодать, достоинство имеет на небесах, желая между тем того единого, чтоб не осуждали ея, не зная о ней. Что тут теряют законы, в своем царстве господствующие, ежели она будет выслушана? Но более ли чрез то прославится их сила, что осудят и выслушанную истину?» (Квинта Септима Флорента Тертуллиана Защищение христиан. М., 1802, с. 2—3).

Приводим ниже этот же фрагмент в переводе Е. Карнеева, К. М. Мазурина,

* Авидий Кассий — полководец, провозгласивший себя императором в царствование Марка Аврелия (175 г.); Гай Песценний Нигр и Клодий Альбин, после убийства императора Коммода в 193 г., выступили с незаконными притязаниями на престол.

** Сигерий — борец, с которым любил упражняться император Коммод. Впоследствии он задушил Коммода (193 г.); Парфений — вельможа, который пользовался благосклонностью императора Домициана, но принял участие в заговоре, приведшем к смерти правителя (96 г.).

*** Подразумевается Капитолий.

Н. Щеглова и, наконец, новый перевод. Даже такое, весьма ограниченное, сравнение поможет нам уяснить различия в стилистической манере переводчиков и некоторые особенности их перевода.

Из перевода Е. Карнеева:

«Если вы, верховные правители Римской Империи, изрекающие суд публично, занимая высшие места в государстве, не имеете власти пред очами народа производить точных изысканий относительно христиан... то по крайней мере да достигнет истина до слуха вашего посредством скромных моих письменных изъяснений. Истина не требует милости, потому что гонение ее не удивляет. Чуждая на земле, она не сомневается найти себе врагов. Дщерь неба, она там имеет свой престол, там обретает свои надежды, должное к себе доверие и свою славу. Здесь желает она только одного: не быть осужденною, прежде нежели будет выслушана. Какое опасение можете вы иметь на счет ваших законов, дозволив истине защищаться на седалище их владычества?» (Творения Тертуллиана. Ч. 1. СПб., 1848, с. 1—2).

Из перевода К. М. Мазурина:

«Если вам, власти Римской Империи, не угодно допускать христиан к защите их дела перед трибуналом, где вы сидите на самом возвышенном месте города для публичного отправления суда; если вы из боязни или стыда отрицаете право каждого обвиняемого отвечать своему обвинителю... то пусть истина дойдет до ваших ушей хотя тайным путем при помощи безмолвных букв! Она не просит милости, так как не удивляется своему положению. Она знает, что живет на земле, и что среди чужих всегда легко встретить врагов; а что касается остального, то свое происхождение, коренную почву, надежду, любовь, славу она имеет на небесах. Одно она добивается, чтобы не осуждали ее, не зная. Что потеряют законы, господствующие в империи, если будет выслушана защита истины? Или, может быть, с большим блеском выкажется могущество последних, если они будут осуждать истину, не выслушав ее?» (Тертуллиан и его творения. М., 1893, с. 6).

Из перевода Н. Щеглова:

«Если вам, представители римской власти, председательствующим на открытом и высоком месте, почти на самой вершине государства, для того, чтобы производить суд, не дозволено явно разбирать и лично исследовать, в чем собственно состоит дело христиан... то да позволено будет истине дойти до ваших ушей по крайней мере тайным путем беззвучных букв. Она ничего не спрашивает своему делу, потому что и не удивляется своему положению. Она знает, что она живет на земле, как чужестранка, что между чужими ей легко найти себе врагов; но при этом знает и то, что она имеет свое происхождение, жилище, надежду, любовь к себе, честь на небесах. Теперь одного только она желает, чтобы не осуждали ее, не узнав ее. Что потеряют законы, господствующие в своем царстве, в том случае, если ее выслушают?» (Творения Кв. Септ. Флор. Тертуллиана. Ч. 1. Киев, 1910, с. 81—82).

Из нового перевода:

«Если вам, представителям Римского государства*, стоящим на виду у кормила власти, чтобы творить суд и открыто вести расследования и разбирательства; если вам невозможно выяснить в чем дело с христианами, пусть все-таки эти беззвучные строки окольным путем донесут истину до ваших ушей**. Она ни о чем для себя не просит; в своем положении ничто ее не удивляет. Она знает, что на земле она странница, что среди людей чуждых легко найдутся враги, что ее родина и ее обитель на Небе; на Небо она надеется, там и милость, и любовь. Хочет она одного: не осуждайте ее, ничего о ней не зная***. Выслушайте ее: забудет что от законов, от их неограниченной власти в государстве, если ее выслушают?»

Сравнивая эти различные переводы, можно убедиться, что каждый из них по-своему обогащает восприятие подлинника, помогает уловить его смысловые обертоны, глубже проникнуть в авторский замысел. Последний перевод, при всем его формальном лаконизме и лапидарности стиля, обладает, пожалуй, наибольшей се-

* Romani antistites — должностные лица в Карфагене — проконсул и начальники провинции.

** Liceat veritati vel occulta via tacitarum litterarum ad aures vestras pervenire.

*** Unum gessit interdum ne ignorata damnetur.

мантической емкостью и значимостью: здесь очевидно произошла та чудесная метаморфоза, та кристаллизация смысла, когда каждая фраза, даже взятая вне контекста, не теряет своей прозрачности и глубины.

В заключение приводим полный текст предисловия к первому русскому изданию «Апологии» Тертуллиана (М., 1802), давно уже ставшему библиографической редкостью. Предисловие не подписано, но, по всей вероятности, принадлежит автору перевода — епископу Коломенскому и Тульскому (впоследствии архиепископу Новгородскому и Днепровскому) Афанасию (Иванову).

* * *

«Тертуллиан Квинт Септимий Флорент, Богослов, уроженец из города Карфагена, что в Африке, из фамилии благородной, человек различными науками просвещеннейший, славился около 200 года по Р. Хр. История о нем такова. Был он пресвитер Карфагенский, родившийся от отца, язычника, служившего сотником в пехотном полку под начальством Проконсула, правителя провинции. Вскоре по принятии Христианской веры, при превосходнейших своих дарованиях, сделался ревностным ее защитником. В Философии, в законах, в Истории и языческой Богословии был весьма искусен. Знаменит красноречием, очень хорошо разумел Священное Писание и отличался благочестием. В молодых летах написал он, по свидетельству Иеронима, книгу о заботах супружества и, спустя несколько, о возражениях на притязания еретиков (*de praescriptionibus contra Haereticos*), которых список сочинил с самого начала Церкви. Потом для удержания неистовства Северова* на христиан гонения и заграждения уст клеветников издал в Риме весьма ученую Апологию, или защитительное рассуждение, которое во время жесточайшего от Плавтиана градодержателя в Парфянской земле свирепствования на христиан, в отсутствие императора, утаив свое имя, надписал градоправителям и судиям. Он издал в свет и другие сочинения против отступников и еретиков, Марциопитов, Валентинианов, Иудеев и проч., которых молниєю своего красноречия и силою доводов более поразил, нежели убедил. Сие подало случай Винцентию Лирипу** сказать: сколько у Тертуллиана слов, столько мыслей; а сколько мыслей, столько побед. Но, к сожалению всей Христианской Церкви, сей знаменитый учитель ее впал в некоторые заблуждения. Впрочем сия *Апология* и другие многие его сочинения писаны им до отпадения его от Церкви; почему ею и приняты, яко *истинно православные*».

* Люций-Септимий Север (146—211) — римский полководец, провозглашен императором в 193 году.

** Святой Викентий Лиринский (лат. Винцент из Леранса, † до 450 г., память 24 мая) — монашествующий богослов, автор духовного наставления «Коммониториум» (под псевдонимом «Перегрин»).